

ЖУРНАЛ РАССКАЗЫ

ПОСЛЕ ЗАКАТА - РАССВЕТ

Крафтовый литературный журнал «Рассказы»

Максим Лыков

**Журнал «Рассказы».
После заката – рассвет**

«Крафтовая литература»

2026

Лыков М. Н.

Журнал «Рассказы». После заката – рассвет / М. Н. Лыков —
«Крафтовая литература», 2026 — (Крафтовый литературный
журнал «Рассказы»)

ISBN 978-5-6055168-5-9

«После заката – рассвет» – это пять историй о мире, который меняется, ломается, гибнет, но не перестаёт даровать человеку надежду. Здесь мальчик с кровью горных духов постигает цену, какую приходится платить тем, кто вмешивается в судьбы людей. Молодой врач отправляется в морскую экспедицию, исследовать безумие, таящееся в пене багровых волн. Юный заполошник идёт через охваченную войной страну, спасая тех, кого ещё можно спасти. Одиноким выживший в постапокалиптическом городе заново учится жить благодаря странной встрече с коровой. А списанный искусственный интеллект раскрывает преступление и тоскует по звёздам, к которым человечество так и не решилось отправиться. Мистика, научная фантастика, постапокалипсис и приключения переплетаются в сборнике о памяти, надежде и внутреннем свете, который не гаснет даже в самые тёмные времена. Потому что после заката всегда наступает рассвет.

ISBN 978-5-6055168-5-9

© Лыков М. Н., 2026

© Крафтовая литература, 2026

Содержание

От создателей	6
Елена Ермакова	7
Груследа, Олег Гольдин	18
Конец ознакомительного фрагмента.	25

**После заката – рассвет.
Крафтовый литературный
журнал «Рассказы», выпуск 46**

Авторы: Елена Ермакова, Груследа и Олег Гольдин, Софья Агеева, Софья Барановская
и Елена Фольтерн, Максим Лыков

© Издательство «Крафтовая литература», 2026

От создателей

Журнал, который вы держите в руках, был задуман группой энтузиастов как доступное каждому издание, которое будет сочетать в себе необыкновенный */объективный/* отбор литературных произведений с самобытной стилистикой рисунка молодых отечественных художников.

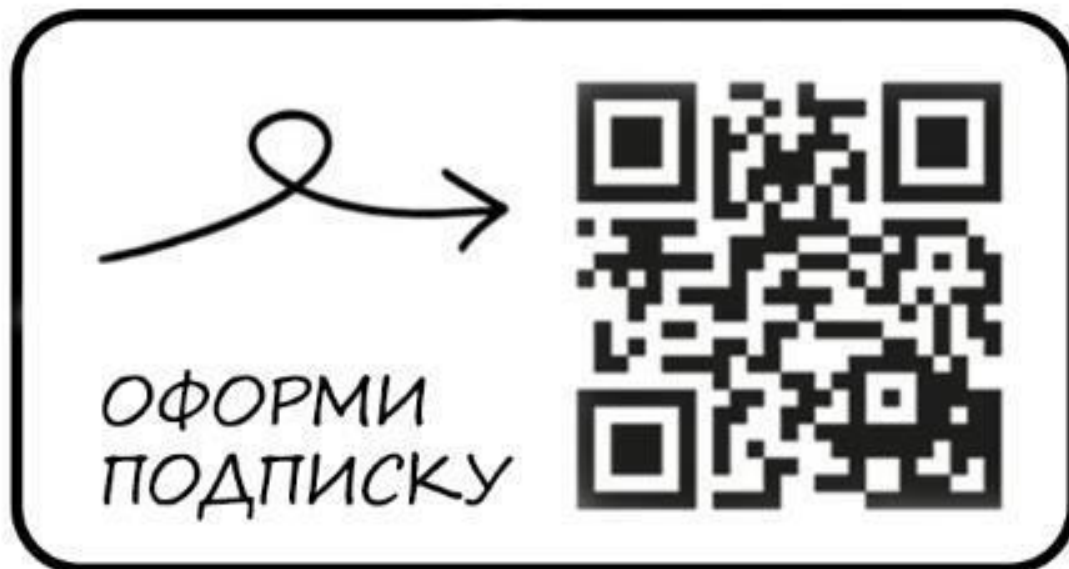
За отбор каждого рассказа в нем отвечают фокус-группы из порядка 30 человек разных возрастов со всей страны. К каждой истории специально приглашенный художник готовит иллюстрацию без технического задания, стараясь отразить саму душу истории, а затем рисует обложку ко всему выпуску.

Мы стараемся находить и приглашать на рассмотрение в нашу коллекцию все самые лучшие */большие/* рассказы, написанные русскоязычными авторами в последнее время. Постоянно мониторим лауреатов литературных премий, а наш самотек уже насчитывает сотни присылаемых работ ежемесячно.

Мы надеемся, что эти истории останутся с вами надолго, вдохновят, как вдохновляют нас, и взбудоражат воображение.

Оформить подписку на журнал «Рассказы» можно на Почте России:
<https://podpiska.pochta.ru/press/ПМ637>

Или напрямую у редакции журнала:
<https://kraftlit.ru/shop/podpiska>

Елена Ермакова

Гора для шестипалого

Вьюша пытается научить меня говорить.

– Смотри. Делаешь глубокий вдох. Потом медленно выдыхаешь. Говори «а-а-а» на выдохе. Понял?

Делаю вдох и выдох. Получается хрип. Или что-то вроде лая в лучшем случае.

Вьюша качает головой. Ее младший брат недавно начал говорить, и она еще помнит, как повторяла за ним слоги и помогала складывать их в слова. А я не могу сказать не только слоги, мне и звуки не даются. И дело тут не в дыхании.

Вьюша хорошая. Добрее всех в деревне. Ну, после моего старика, конечно. За ней всегда ходит толпа малышей. Мне стыдно, но и я тоже хожу, хоть и старше ее на два года, подросток. Сегодня повезло, что она нашла для меня минуту. Сидим за деревней, в шалаше, сооруженном давно, в нашем секретном месте на речке. Зима только началась, но холод не шуточный.

– Ладно, раз не хочешь стараться говорить, покажи мне хотя бы желтые глаза, – недовольно говорит Вьюша.

Эх, зря я ей показал секретные глаза. Вьюша болтушка, вдруг про них проговорится. Нутром чую, что видеть их никто не должен.

Но и отказать ей не могу.

Закрываю глаза и заставляю другие глаза проснуться. Однажды видел в зеркале, как это происходит. Сквозь обычную серую радужку проступают желтые пятна, а потом желтизна расплывается и превращает всю радужку в одно желтое целое.

А в голове словно свет вспыхивает. Мир начинает переливаться всеми цветами радуги. Вот и сейчас так. Дотрагиваюсь до Вьюшиной руки и вижу, как шевелятся мысли у нее в голове. И еще разбирает смех, словно мир превращается в веселую книгу с картинками. Желтые глаза появились месяц назад, и я все не могу к ним приспособиться.

Даю Вьюше заглянуть в новые глаза. Ее собственные зеленые наполняются веселым любопытством, и мы хохочем. Точнее, я лаю, а она смеется. Вдруг она останавливается и говорит:

– Слушай, я ведь не об этом хотела сказать. Вчера узнала. Старший собирается забрать меня в свой дом работницей.

О нет. Старший в деревне творит что хочет. Кого угодно из женщин может забрать в услужение. Это значит, Вьюшино детство кончится. С утра до ночи будет работать, и мы с ней совсем не сможем видеться.

Беру Вьюшу за руку и медленно задаю вопрос у нее в голове. Я еще не очень умею пользоваться желтыми глазами, чтобы читать мысли или говорить в голове у других людей, но учусь.

– Что? – удивляется Вьюша. – Могу ли я сказать «нет»? Я уже пробовала, но мать велит слушаться, потому что наша семья у него на плохом счету. Нам все в последнюю очередь достается, а тут еще и я запрямлюсь.

Вот видишь, Вьюша. Если не умею говорить вслух, так хоть в голове у тебя могу задавать вопросы. Если бы еще и помочь тебе мог!

* * *

Ночью, когда дед засыпает, выхожу из дома. Первый снег искрится в лунном свете, чувствую, что желтизна сама, по своей воле заливает глаза. Новые глаза приходят все чаще, видят

все лучше. Хочется плясать на снегу, даже несмотря на то, что слова Вьюши не выходят из головы. В свете луны я кто-то совсем другой, чем днем.

Я дух, пляшущий на снегу, всемогущий и смелый. Не отдам Вьюшу деревенскому старшему, пусть не надеется.

Недавно понял, что отличаюсь от своих деревенских собратьев. Я вижу и слышу то, о чем они даже подумать не могут. Я вольная птица, летящая над миром. И только дед и Вьюша привязывают меня к земле. У меня есть мечта. Увести старика и Вьюшу в предгорья, в безлюдье. Построить там, на свободе, дом. Показать Вьюше горы, подняться высоко-высоко, туда, где никто еще никогда не бывал. Горы – самое прекрасное, что есть в мире.

Ноги сами несут к реке. Горы оттуда – как на ладони. Секретные глаза видят так же хорошо ночью, как и днем. Слух тоже обостряется. На днях услышал раскаты хохота, доносящиеся с другого берега стынущей под порывами первого зимнего ветра реки. Деревенские думали, это гроза в горах, но я точно знал, что это был хохот горных духов. Стоило мне его услышать, не сомневался ни секунды.

А сегодня пришла пора навеститься к духам в гости, раз они так близко. Какая-то сила – больше, чем я сам, – зовет меня. Подхожу к реке, сбрасываю сапоги и верхнюю одежду, отношу их в шалаш. Заставляю тело раскалиться и вхожу в реку. В ледяной воде ночью мало кто захочет искупаться, но мне река не препятствие.

За огромными валунами, которые в свое время скатились к реке с гор, пламя костра. В предгорьях за рекой никто не живет, потому духи ни от кого не скрываются. Странно, что забрели так далеко от гор. Стараюсь идти тихо, чтобы снег под голыми ногами не скрипел.

В свете луны шестипалые следы на снегу. При людях я не снимаю обувь, даже когда купаюсь. Еще не хватало насмешек. Шестипалый – так себя иногда называю.

У костра трое. Огненно-рыжие шевелюры похожи на горную лаву, которая вспенилась мелкими кудрями. Смешливые лица, пронзительные желтые глаза. Высокие. Несмотря на зимнюю ночь, одеты совсем легко, кожа как будто светится. Духи.

Играют в какую-то игру, подбрасывают камни. Странные, желтые с серебристыми блестками. Где-то я такие уже видел.

Сижу, затаившись и прижавшись к валунам, слушаю их болтовню. А потом до меня доходит, что голоса звучат у меня в голове. Вслух они не говорят ни слова. Только хохочут лающим смехом.

– Эй, малыш! – Веселый голос заставляет меня вздрогнуть. – Не сиди за камнем. Выходи. Но этого я как раз не собираюсь делать. Учужали меня, однако.

– Как ты оказался здесь один?

– Я не один. Я живу на той стороне реки. – Не хотел говорить с ними, но неслышимые слова, похожие на вспышки в голове, сами выплеснулись.

– С людьми? Как ты оказался у людей?

Слышу, кто-то из них встает и идет к моему камню. Вскидываю и бросаюсь обратно в реку. Вода накрывает с головой, они меня не увидят. Я умею долго держать воздух в легких, очень долго. Хватит, чтобы доплыть до деревенского берега, а туда они не сунутся. Людей они явно недолюбливают.

Пока черная вода сжимает меня в своих объятьях, перед глазами встает лицо моего старика, каким видел его, еще будучи младенцем. Он нашел меня в лесу и вырастил. А недавно я начал понимать, что не просто не был его внуком, но что и вообще не человек.

Сквозь толщу воды ощущаю, как горные духи пытаются высмотреть меня в воде. Да только им это не под силу. Я им не дам, слишком хорошо знаю реку, валуны на дне, течения, которые, если нужно, унесут меня с глаз долой за считанные минуты.

Если они из племени, бросившего меня умирать двенадцать лет назад, то они просто не имеют права следить за мной и что-то обо мне знать.

* * *

Утром готовлю старику завтрак. Он ослаб в последнее время. Если бы не я, он бы давно умер. Он прожил одиночкой, никто из деревни даже и не догадается прийти и спросить, не нужно ли ему чего. А он сам, гордый, никого бы просить о помощи не стал. Он и меня не просит. Только ворчит, когда заставляю его встать с постели и подойти к очагу. Иногда просто переносу его к огню. Я сильный, гораздо сильнее, чем любой ребенок моего возраста. И высокий.

Охотиться мне легко, я нахожу тропы животных, хорошо стреляю из самострела. Но убивать их не люблю, поэтому предпочитаю рыбалку. Еще знаю ручьи, текущие с гор, на той стороне реки. По их берегам водятся особенные камни. К предгорьям люди не ходят, я один брожу по ночам. На камешки у меня чутье, беру только те, что мельник называет драгоценными. Он соглашается обменивать их на муку. Остальные не трогаю, пусть лежат на тех местах, какие они сами для себя выбрали. Ждать очереди на муку от старшего, который на все в деревне наложил лапу, не собираюсь. Сами справимся. Мы со стариком вольные люди.

Помогаю деду добраться до огня, даю в руки тарелку. Пока ест, дотрагиваюсь до его плеча и задаю вопрос у него в голове:

– Дед, когда ты нашел меня, на мне или рядом со мной не было никаких знаков или особых вещей?

Старик кашляет, когда слышит вопрос. Не ожидал, что мой голос прозвучит у него в голове. В глазах испуг.

– Дай-ка мне вон тот ящик. – Отдышавшись, старик пальцем указывает на ящик, где хранит рыболовные крючки, гвозди и всякую металлическую мелочь.

Там, среди всей этой ржавчины, находит на самом дне плоскую деревяшку, на которой вырезан знак нашей деревни, заляпанный черными пятнами. Такой знак висит на шее у старшего как знак власти.

– Вот этот был знак, но не на тебе. Где я тебя нашел, там кровью всё пропиталось, черной, не людской. А в кустах вот этот знак, с оборванным ремешком. Ума не приложу, как он там очутился. Знак-то старшему принадлежал. Я тогда подумал, что из дома старшего какая-то женщина беременная, или с ребенком, сбежала, а в лесу ее нечисть задрала. Ты в снегу, в черной луже лежал. Кровь эта яму в снегу проела, и ты из ямы кричал. Голый был, но на ощупь горячий. Не стал тебя старшему отдавать, нехороший он человек.

Дед начинает задыхаться. Слишком много сказал, все на одном дыхании. Нельзя ему волноваться, сердце слабое.

Беру его за руку.

– Тихо, – говорю ему в голове. – Все понял, не волнуйся. Ешь давай.

Слегка сжимаю его руку, заставляя сердце биться спокойнее, не трепетать, как птица, готовая выпорхнуть из надоевшей клетки. На самом-то деле я далеко не все еще понял, но старика пока беспокоить нельзя.

* * *

Беру рыболовные снасти и ухожу на речку. На самом деле, это видимость для старика. Снасти в шалаше оставляю, а сам в деревню пойду, к Вьюше, рыбу вечером добуду.

Пока иду, вспоминаю его слова. Черная кровь – кровь нечисти. Ошибаешься, дед. Это у меня черная кровь, а я разве нечисть? И та кровь подо мной – скорее всего, кровь моей матери. Такая же черная и горячая, как и моя. Иногда по ночам, на грани яви и сна, мне даже

кажется, что слышу ее крик. Она с кем-то боролась, истекая кровью. Интересно, кто в те годы был старшим в деревне?

Наверное, такие, как я, обладают памятью уже с рождения, потому и помню смутно материнский голос. Кстати, почему я лежал в снегу голым? И даже если моя мать погибла, куда подевалось ее тело?

Вьюшина мать возится у колодца, наливает в ведро воду. Кричит:

– Вьюшу больше не ищи, Немой. У старшего она теперь живет. Забрали ее. К старшему тебе хода нет. И вообще – шел бы ты отсюда.

Останавливаюсь и стою как вкопанный. Плевать на Вьюшину мать. Она считает меня убогим, которого ее дочь из жалости привлекает.

Но, получается, я Вьюшу потерял, вот в чем беда. Надо было раньше, самым ранним утром прийти. Она заперта теперь в доме за множеством засовов, под охраной здоровенных верзил у ворот.

* * *

Весь день хожу вокруг дома старшего. Забор прочный. К ночи понимаю, как проникнуть внутрь. Пора проверить, на что я способен, если действительно имею отношение к горным духам.

Но сначала накормлю старика. Иду к реке – та потихоньку затягивается льдом ближе к берегам, где поток слабее. Интересно, мои рыжеволосые родственники еще там, на другой стороне? Костер свой уже разожгли?

Под утонувшими корягами в пещерах, прорытых рекой, дремлют, скованные ледяным сном, самые крупные рыбы. Они никак не ожидают, что чей-то взгляд проникнет во тьму потаенных мест, а пальцы крючками вопьются в жабры.

Сражаясь в воде со взбесившейся рыбиной, представляю себе, что сжимаю горло старшего. Его ледяные глаза навывкате наливаются кровью, грудь вздрагивает от напряжения, а потом опадает, вминается в спину под моими руками.

Выходя на берег, скриплю зубами, но сквозь яростный шум крови в ушах слышу голос матери: «Нельзя». Нельзя? Почему это нельзя? И откуда вдруг ее голос в голове?

Топориком, припасенным в шалаше, отрубаю рыбине голову. Одним ударом. Все, на том успокоился. Действительно нельзя. Нужно соображать, чтобы пробраться к старшему в дом, а стук черной крови в ушах только мешает.

Чтобы окончательно прийти в себя, развожу костер, разделяваю рыбу и начинаю жарить на камнях. Заодно сушу одежду. Поджарю рыбу наполовину, а потом старик в сковороде на очаге дожарит. Он любит готовить, пусть порадует.

И радуется. Хлопочет над сковородкой, ожил.

– Дед, кто был старшим в деревне, когда ты меня нашел? – спрашиваю старика, тронув за плечо.

Старик заметно вздрагивает. Ему еще надо привыкнуть к тому, что я могу говорить в голове. Горные духи как-то умеют это делать, не прикасаясь друг к другу, мне пока такое искусство не под силу. Мне нужно коснуться человека, чтобы к нему обратиться. Если бы не Вьюша и не горные духи, я бы деда тревожить не стал, но сейчас очень надо.

– Так нынешний старший уже тогда старшим был. Он на всех советах как-то побеждает, его всегда выбирают. Уж кто так его любит, не знаю. Или от страха, что ли, за него руку тянут.

* * *

Скоро наступит самый темный час ночи, наблюдаю за домом старшего. Дремлю, сидя за большим дубом, примостившись между корней. Жду, когда уйдет свет луны, чтобы позвать желтые глаза.

Все, что дальше, – дело ловкости и силы, а этого мне не занимать, даром что ветки дуба почти касаются забора, а ставни чердачного окна имеют щель. Все защиты дома рассчитаны на людей – не на таких, как я. Да и ледяная ночь мне на руку.

Дом огромен, и понять, где живут служанки, сложно. Если бы не секретные глаза, до утра бы провозился, бродя по дому. Что-то вроде настойчивого зова приводит меня к комнате, которую определяю как главную спальню. Дверь заперта изнутри, но я теперь знаю расположение комнат, потому из чердака вылезаю наружу и с крыши по веревке добираюсь до нужного окна.

Ночь черна без звезд, ветер колет ледяными иглами. Заставляю тело раскалиться и прижимаю горячие ладони к заиндеветому стеклу. Наверное, я похож на летучую мышь – вампира из сказки, припавшего, расправив крылья, к чужому окну.

Сквозь проталины на стекле от горячих ладоней желтые глаза обшаривают комнату. На огромной постели вздулось тело старшего, волосатая рука выползла из-под одеяла. На полу гора одежды. На столике под самым окном нож в ножнах и знак старшего, такой же, как тот, что у меня в кармане, только новее. А еще камень на цепочке. Знакомый. Вспоминаю, что не раз видел его на груди у старшего. Такими же камнями, желтыми с серебряными прожилками, играли горные духи. Получается, это не случайный камень. Особенный, как-то очутившийся в руках у старшего.

Но почему зов привел меня к этому окну? Вьюши я здесь не вижу.

Или это камень? Неужели камень меня позвал?

Перевожу взгляд на старшего. Если бы мог коснуться его руки и прочитать мысли у него в голове... Но это невозможно. Он за стеклом. Только духи могут говорить друг с другом на расстоянии. А рыться в чужой памяти на расстоянии могут? Безмолвно говорить – это одно, а рыться в памяти – другое.

Закрываю глаза и пытаюсь воззвать к своей черной крови, несущей древние знания. Может, смогу прочесть хотя бы сны старшего?

Ответ не приходит, решаю всмотреться в камень на столике, прямо у меня перед глазами.

Желтое к желтому. Помоги, камень. Помоги, раз позвал. Ты знаешь старшего лучше всех. Дай увидеть то, что случилось с Вьюшей.

В голове вспышка. Вижу старшего, сидящего на краю кровати ко мне спиной. Спина голая. Напротив него, распахнув глаза от ужаса, стоит Вьюша, прижав к груди руки. На ней только ночная рубашка. Получается, старший забрал ее к себе в дом не сегодня утром, а вчера вечером. А ночью притащил к себе в спальню.

Старший заставляет ее сесть на кровать рядом с собой, водит пальцем по щеке. Мои руки сжимаются в кулаки, но отрывать ладони от стекла надолго нельзя, иначе стекло подернется туманом и я перестану слышать и видеть камень.

Палец старшего ползет к Вьюшиной шее. Девочка вскакивает и бросается к двери. Старший не мешает ей уйти, он напился Вьюшиным страхом, как охотник питается добычей. К тому же добыча все равно в ловушке, можно не торопиться.

Камень замолкает, гаснет.

У меня в кармане нож, замахиваюсь, чтобы рукоятью разбить стекло. Если разобью, всего секунда нужна, чтобы добраться с ножом до старшего.

«Нельзя». Голос матери. Что-то сильнее меня отводит руку от окна.

Камень? Это ты со мной говоришь, камень?

«Считай, что это заклатье. На окне лежит заклатье. Тебе надо поговорить со своим пленем. Они расскажут».

* * *

Не помню, как скатился с обледенелой крыши в колючие объятья дуба, как, обрывая ветки, свалился на землю. Бежал, задыхаясь, к реке, высматривая костер духов на той стороне. Поплыл прямо в одежде. Глотнул воду, в которую дальний костер вдруг плеснул оранжевым.

Вылезая на берег, поскользнулся. Никогда со мной такого не было. Сильная рука подхватила и не дала упасть. Все три духа стояли на берегу.

– Тихо, малыш. Ты так полыхаешь, что ненароком накличешь грозу.

Вырываю руку, но иду с ними к костру. В руке покалывания, словно она побывала в речном водовороте. Вот оно, прикосновение духа.

Не знаю, с чего начать.

– Говорить ничего не надо, просто дай руку, и мы все поймем, – успокаивает тот, что помог мне выбраться из реки.

Раскрывает ладонь. Она большая, в два раза больше моей.

Мотаю головой – нет. Всего секунду он держал меня за руку, но показалось, что кровь потекла в другую сторону, а мир перевернулся. Я запомнил то жжение, не хочу повторять.

Духи и похожи друг на друга, и разные. У того, кто мне помог, глаза острые, словно иглы, хотя в уголках губ прячется смех. Второй – сразу видно – хохотун. У третьего самая буйная шевелюра. Может, хозяин вулкана?

– Помогите снять заклятье с дома, куда заперли мою подругу! – В голове грохот, слова похожи на раскаты грома, так волнуюсь. Духи переглядываются. Должно быть, я и их оглушил.

– Нет заклятья на горного духа, – говорит тот, что со смешливым лицом. – Если ты почувствовал, что перед тобой преграда, значит, кровь тебя о чем-то предупреждала. Есть вещи, которые духи не должны делать. Например, убивать людей.

Он, что, догадался, что я хотел убить старшего?

– Почему? – Руки невольно сжимаются в кулаки. Да, я хотел напасть на старшего, зря не напал. Если бы знал, что заклятья не было, обязательно бы разбил стекло и напал.

Духи садятся у костра, я с ними. Дают каменный бокал с чем-то горячим, пахнущим травами. Немного успокаиваюсь, и духи тоже.

– Мы не можем вмешиваться в жизни людей, – говорит хозяин вулкана. – Их жизни хрупки. Не имеем права. Мы хранители гор, а не судьи людям.

Делаю еще один глоток из бокала, и странное жжение в горле растекается по телу теплом. Э, нет, духи. Для вас люди – существа из сказок, а я с ними вырос. Кто может мне запретить вмешиваться в их жизни?

– Люди приходят и уходят, народ за народом, – продолжает дух. – Большинство исчезает бесследно, мало кто способен чему-то научиться и перерасти человеческое. Есть у духов такой закон: если вмешаемся в людские жизни, нам грозит развоплощение на долгие годы. Твоя кровь знает об этом лучше, чем ты сам. Наши предки тоже когда-то были людьми, но мы ушли от них далеко, и наша кровь, пережившая изменения, хранит память о границах, через которые нельзя переступить.

Развоплощение? Это значит исчезновение? Я мог исчезнуть? Совершенно бесследно?

Но тот голос, который остановил меня... Это говорила не кровь. Уж что-что, а голос своей крови я знаю. Голос, говоривший о заклятье, был другим. Похожим на голос матери.

– Это не кровь со мной говорила. Там был такой же камень, как у вас, когда вы играли у костра вчера. Это он со мной говорил.

Показываю на камешки у костра, рядом с игральными картами. Я их сразу же заприметил, как только к костру подошел. Так и хочется протянуть к ним руку.

– Камень? – перебивает смешливый дух. – Странно. Не со всяким камень будет говорить на расстоянии. А с тобой заговорил. С таким юнцом. Ты его даже в руки не брал.

Дух, который не дал мне упасть на берегу, садится передо мной на корточки и заглядывает прямо в душу своими острыми глазами. А может, мне показалось, что они острые? Сейчас я вижу в них только тепло.

– Как наш камень мог очутиться у людей? Людям не полагается носить наши камни. Дай руку, дай заглянуть в твою память и увидеть его. Ты и этот камень как-то связаны, раз он говорил с тобой. Увидим его – прочитаем его историю. Он-то наверняка знает, как горного малыша занесло к людям.

Мне и самому хочется узнать правду. Похоже, придется дать ему руку. Да и не виноват он, что я вырос в чужом племени. Одиноким-то я не был. У меня есть дед и Вьюша. Кто я без них?

– Братя, – обращается он к двум другим духам. Они почти слились со светом костра, почти растворились в свечении. – А что, если это камень позвал нас сюда? Мы все трое слышали зов и пришли на эту речку, к этой деревне. Может, камень позвал нас, чтобы мы нашли малыша? Негоже ему вслепую растить в себе силу. Он таких дел натворит, что и до землетрясения доведет.

И тут я вспоминаю про деревянный знак в моем кармане.

– Есть еще одна вещь, – протягиваю духу испятнанный черной кровью знак старшего, найденный моим дедом двенадцать лет назад.

Дух кладет знак между ладонями и закрывает глаза. У меня от волнения сердце стучит быстро-быстро.

Глаза духа, когда он их открывает, становятся почти оранжевыми, в них плещется пламя костра.

– Этот знак помнит, что случилось с твоей матерью. Я вижу ее. И вижу человека с рыбьими глазами. Она только что родила тебя, в лесу, а он напал на нее. Не надо было ей уходить от гор так далеко. Наши женщины уходят рожать в леса, потому что из лесов мы произошли. Она думала, что еще в безопасности, еще не слишком далеко от гор. Но ее выследил человек из деревни. Наши камни для игры, они приносят людям удачу. Охотник за камнем, одержимый жаждой власти, это знал. К тому же он застал твою мать в минуту слабости.

Камень моей матери. Вот что хотел старший. Вот почему камень говорил со мной ее голосом. Он мой горный родственник, каменный брат по матери. Старший знал, как добыть себе долгие годы власти.

– Куда же делась моя мать? Когда дед нашел меня в снегу, я был один.

Остроглазый дух кивает.

– Твоя мать пыталась убить охотника, чтобы защитить тебя, и развоплотилась. Но она достаточно его испугала, чтобы он убежал. Она его ранила и сорвала с груди его знак. Убить не успела.

– Она вернется в наш мир, – говорит хозяин вулкана. – Мы всегда возвращаемся. Наверняка она пыталась говорить с тобой сквозь туман невоплощенного. Наверняка она за тебя боится. И будет рада увидеть тебя и показать тебе твою гору. Вы встретитесь.

Костер плывет у меня перед глазами. Неужели такое возможно – встреча с матерью? И гора. Моя собственная гора.

– Пойдем с нами, парень, – говорит смешливый. – Обогрейся у костра, и двинемся в путь. Наши горы нас ждут, больше мы здесь задерживаться не можем. К тому же наша миссия окончена. Мы нашли тебя, сказали тебе, кто ты, и дали тебе выбор. Решайся.

Я вскакиваю.

– Моя подруга в опасности. И дед. Помогите мне.

Хозяин вулкана качает головой.

– Не можем, малыш. Мы же объяснили. И ты не можешь.

Поворачиваюсь к ним спиной и иду к реке. Зря я им доверился.

Тот, что помог мне выбраться из реки, идет за мной.

– Будь осторожен, малыш. Даем тебе время до утра. Потом мы уйдем. Постарайся не развоплотиться и возвращайся.

Поворачиваюсь и смотрю в его желтые глаза. Хочется огрызнуться, но чувствую, что он не желает зла. Киваю.

– И еще, малыш.

Смутное эхо голоса, когда опускаюсь в воду.

– Больше не продлевай деду жизнь. Это опасно и для него, и для тебя.

Ныряю. Если они не хотят мне помочь, помогу себе сам.

* * *

Вода. Послушай меня. Есть мысль, которая летит, как рыба в беспокойном потоке. Дай мне поймать ее, вода. Как сделать так, чтобы старший вернул мне Вьюшу? Я не такой дурак, чтобы развоплотиться. Я хочу увидеть свою гору, увидеть свою мать. Раз не могу убить старшего, я должен его обмануть.

Вода, шуршащая льдом в ведре, приготовься заостенеть, когда скажу. До дома старшего уже недалеко. Мороз крепчает, на улице ни души. Даже сторож ушли в дом. Но заря скоро. Спешу. Снимаю обувь, босым перебираюсь через забор, едва не перевернув ведро.

Следы. Шестипалые следы перед крыльцом старшего. Много-много. Политые водой. Обледеневшие. Намертво влитые в снег, и ножом не вырежешь лучше. Успел до того, как собака подняла уши и вылезла из будки.

Заря. Не спеши приходить. Дай поговорить с дедом. Они сказали, не продлевай деду жизнь. Придется. Иначе ему сегодня не выдержать. Вся задумка на нем держится.

Дед. Просыпайся, дед. Или нет. Оставайся между сном и явью, но слушай. Главное – слушай. От тебя все будет зависеть. Потому скажу тебе все, что знаю. Расскажу все, о чем сказали духи. Ты смелый, дед. Прости, что придется рискнуть твоей жизнью.

Дед. Усмехается в полусне. Говорит, «внучек, уж не знаю, как ты научился так лихо болтать у меня в голове, но я слишком старый, ничему не удивляюсь. Сделаю, как велишь, и будь что будет».

Сани. Навострите полозья, сани. Сегодня ваш день.

Топор. Пока у меня нет ничего тяжелее тебя.

Руки. Сегодня дело за вами.

* * *

Улицы деревни пусты. Некому смотреть на то, как я тащу деда в сани. Сани у нас широкие, для дров. Когда-то у деда была лошадь, но сейчас сани таскаю я. Без саней деду не дойти. Прячется в старую шубу. Старому следопыту стыдно, что люди увидят его слабым.

Я одет легко, на лице капюшон. Нельзя, чтобы кто-то увидел желтые глаза. Мне жарко, хотя мороз только крепчает. Холод мне на руку. У ворот нет сторожей – как ночью ушли в дом, так и не выходили.

Вытаскиваю деда из саней, ставлю на ноги. Беру за руку и веду к воротам. Шаг, другой. Шаги все увереннее, мне не впервой заставлять его кровь бежать, а поступь становится тверже.

С грохотом обрушиваю на ворота удар обухом топора. Не часто мне приходится показывать на людях данную от природы силу. Сейчас пришлось. С бешеной руганью из дома вываливается сторож, открывает калитку.

– Беда, родимый, – говорит дед. – Зови старшего. Нечисть в деревню вот-вот пожалует.

Сторож вводит нас во двор, и тут же на крыльце появляется старший. Глаза злобные – вырвали из утреннего сна.

– Наш дом в деревне крайний, – говорит дед. – Вчера следы странные заметили. Ой, глянь, они ведь уже и у тебя по двору потоптались.

Старик указывает на мои обледенелые шестипалые следы. Молодец дед. Шпарит как по писаному. У старшего при виде следов выпучиваются глаза.

– Ночью постучали и вот что тебе передать велели. – Дед протягивает старшему деревянный знак с пятнами крови. – Велели сказать, что ты поймешь, что это за знак. Сами-то высокие, светятся. Глаза желтые.

Старший словно вырастает в землю, плечи опускаются. Знак не берет. Страшно ему. Вспомнил черную кровь, вспомнил тот день двенадцать лет назад.

– Уходи, – рычит сторожу. – Вели никому не слушать.

Сторож уходит, слышно, как рывкает на обитателей дома.

– Сказали, что с деревни плата положена. Сказали, ты знаешь, за что. А если не отдашь, спалят деревню, – продолжает дед, но тише. Твердо, без тени сомнения. Старшего он не любит, голосом выплеснул на него отвращение.

– Что за плата? – Старший охрип на морозе.

– Три человека, – говорит дед.

А потом быстро, не давая старшему опомниться:

– А внуку смотри что дали.

Делаю к старшему шаг и протягиваю на ладони камень духов. Вчера все-таки не удержался у костра, прихватил камешек.

Глаза старшего вспыхивают, а рука тянется к моей руке.

Самый важный момент. Когда его рука касается моей ладони, делаю то, что сделал со мной дух с острыми глазами, вытаскивая меня из реки. Заставляю его кровь на минуту останавливаться. Сейчас он весь у меня как на ладони, каждый завиток его мыслей. Вбиваю в него приказ и отпускаю. Камень остается у него в кулаке, но мне на это наплевать.

Мой собственный мир качнулся. Еще бы, я сделал то, чего никогда не делал раньше: заставил мысли человека потечь в нужную мне сторону. Надолго ли хватит приказа?

Я был на грани, это я понял по тому, как зарябило в глазах и все вокруг подернулось дымкой. Едва не упал, дед меня удержал. Я-то думал, это я его заставляю стоять на ногах, а тут он подхватил меня.

– Вы на краю деревни живете. Вот вы к ним и отправляйтесь, – нарочито ласковым голосом говорит старший. Ему невдомек, что он повторяет мой мысленный приказ. – А я вам заплачу. И деревню выручите, и заработаете.

Старший роется в кармане штанов и выуживает оттуда монеты. Дед делает вид, что рад. Жалкие монеты. Старший думает, что мы считать не умеем, какую-то мелочь сует. Даже тут обманывает.

– Мы-то и рады уйти. Третий человек нужен. – Снова дед. – За моим внуком девчонка приглядывает. Вьюша зовут. Внук больной у меня, без Вьюши ему не обойтись. Вели и ей с нами уйти.

Смотрю из-под капюшона на камень матери на груди у старшего. Помогай, брат. Это же наш общий враг.

Старший хмурится.

– Девчонку вчерашнюю приведите сюда, – кричит, открыв дверь в дом.

Хорошо. Приказ пока работает. Надолго ли?

Вьюшины глаза становятся большими-большими, когда она видит меня.

Теперь главное – успеть.

За воротами толкаю деда и девочку к саням, хватаюсь за ремни. Дед набрасывает на Вьюшу шубу. Она все молчит.

Бегу так, как в жизни не бегал. Старший очнется вот-вот. Поймет, что не по своей воле отдал девочку, пустится в погоню. Таких, как Вьюша, не отдают.

Надо добежать до лодок на реке, перебраться на тот берег. А там нырнем в кустарник, заполонивший предгорья. Предгорные тропы я знаю как свои пять пальцев. Поташу деда, а Вьюша побежит за мной. Она сильная.

Кровь стучит в ушах, кажется, что весь мир превратился в дробный стук сердца. Силы почти на исходе, серая пелена перед глазами чернеет. Черная кровь, черный стук, черный снег. Уж очень тяжелы и неповоротливы сани.

Удары становятся громче, отчетливее. Но это не сердце. Это стук лошадиных копыт.

Мы у реки, однако до лодок еще бежать по берегу.

Оглядываюсь и вижу трех всадников – старшего и двух сторожей с самострелами.

Прости, дед. Не успели мы.

С реки вдруг дохнуло густым туманом, всадников заволокло. Удача. Ташу деда к лодкам, Вьюша за нами. Лодки вкованы в прибрежный лед, тут снова пригодится топор.

Пока сажал в лодку деда и Вьюшу, разбивал лед и толкал лодку, потерял время. Повернулся с топором – из тумана совсем близко выскочили всадники. Свобода только поманила.

Отталкиваю от берега лодку. Машу руками – уплывайте!

Сам поворачиваюсь с топором к всадникам. Жаль, не успел взять с саней самострел. Ну что, топор, пора. Надеюсь, успею покончить со старшим до развоплощения.

Поднимаю топор и откидываю с головы капюшон. Всадники застывают, на лицах замешательство. Вид у меня, должно быть, дикий.

Крепкая рука хватается сзади топор за обух, сжимает его тисками.

– Погоди, малыш.

Мне не надо оглядываться, чтобы понять, кто это. От них веет жаром, слышно, как с мокрой одежды стекает вода. Это их всадники увидели. Они в тонком облаке тумана, сродни тому, что играл в прятки со старшим.

Пришли все-таки. Почуяли, что я в беде. Я-то думал, они на эту сторону реки никогда не переберутся.

Старший и сторожа мгновенно разворачиваются и исчезают в лесу.

Все получилось.

Сзади меня обнимают тонкие Вьюшины руки. Они с дедом так никуда и не уплыли.

И тут Вьюша наконец-то заговорила. Притянула к себе мою голову, шепчет:

– А глаза-то у них желтые, как у тебя. Но я их не боюсь. Совсем.

Киваю ей. Туман над рекой окончательно раздвигается, открывая горы.

Груследа, Олег Гольдин **ЭКСПЕДИЦИЯ «НАДЕЖДЫ»**

Всякий раз, отправляясь в странствие, я перечитываю этот дневник, дабы не забывать, что суть вещей не всегда такова, какой кажется, а сокрытое от глаз зачастую значит больше, чем видимое.

Личный дневник Сергея Акакиевича Смолова, лейб-медика императорского двора.

Выписка из УКАЗА ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА

«...Всемилоостивейше повелеваем назначить лейб-медика Нашего двора, доктора медицины и алхимии, Сергея Акакиевича Смолова, в силу особых обстоятельств и по рекомендации Медицинской коллегии, главным ученым советником в экспедицию на бриге «Надежда», дабы исследовать Предпоследнее море, кое доныне остается загадкою.

Целью сей экспедиции определяется поиск кратчайшего пути к заморским колониям, изучение природных свойств Предпоследнего моря, составление карт и предписаний для безопасного мореплавания.

По завершении экспедиции доктору Смолову надлежит представить подробный отчет Нам лично.

В случае благополучного возвращения и успешного исполнения возложенного на него поручения доктору Смолову будет даровано Наше высочайшее благоволение, а также иные милости, соразмерные его заслугам.

Сей указ вступает в силу немедленно...»

* * *

«Друг мой, Сергей Акакиевич, приказ Ее Величества ошеломил меня своей неожиданностью.

Впрочем, размышляя о причинах оногo, я осознал, что нам нечему удивляться. Вы слишком быстро и высоко взлетели, к тридцати годам став лейб-медиком при цесаревиче, – такого успеха двор не прощает. Враги нанесли вам сокрушительный удар: слухи о продаже аптекарских патентов дошли до монарших ушей. А ссора с княжной Софьей Дмитриевной только ухудшила ваше положение (государыня души не чае в крестнице и никому не прощает ее слез).

Я всячески пресекал гнусные сплетни, но я, увы, не всемогущ. Вы вправе считать сию экспедицию ссылкой, но не спешите отчаиваться, помните, что в столице остается верный друг, готовый поддержать вас в трудную минуту.

Позвольте дать совет, коими вы прежде дорожили и никогда не пренебрегали: уезжайте немедленно. Со временем завистники умолкнут, и к вашему возвращению я вновь расположусь к вам Ее Величество.

Пребываю с искренней привязанностью к вам,
Иоганн Готлиб,
лейб-медик Ее Императорского Величества»

* * *

«Господин Смолов,

едва ли я смогу выразить словами все то, что творится у меня на душе.

Вы подлец! Я обманулась, приняв за искренность ваши признания. Мне стало доподлинно известно, что вы волочились за всеми фрейлинами Ее Величества, выбирая ту, через которую упрочили бы положение при дворе. Теперь я понимаю, что ваш интерес ко мне произошел от чрезмерной амбиции, впрочем о чем еще может мечтать человек вашего положения?

Ослепленная чувствами, я не заметила коварства. Вы выбрали меня лишь затем, чтобы через родство с князьями Барятинскими вознестись на небывалую высоту. Но вы просчитались. Я никогда, слышите, никогда не стану вашей женой! Мне претит сама мысль видеть вас подле себя. Вы чудовище! И я молюсь о том, чтобы нашлась сила, способная остановить вас.

Не утруждайте себя объяснениями и не ищите встреч со мной.

С.»

2 июня

Выписку из Указа и письма я вкладываю в дневник как напоминание о моей опале. Все, к чему я долго стремился, рухнуло в одночасье, стоило мне, отвергнув разум, поддаться чувствам. Та, ради которой я рискнул всем, презирает меня и попрекает худым происхождением. Вы, Софья Дмитриевна, лишь избалованная девица, неспособная понять чужой души. Друг мой Готлиб, вы не выступили в мою защиту, убоявшись гнева государыни, так пусть это письмо навсегда останется немым свидетелем вашей трусости. Завистники и недоброхоты, шептавшиеся за моей спиной, знают: я не сдался! Преуспев в экспедиции, я вернусь, и вы пожалеете о каждом брошенном в меня камне.

6 июня

На сборы мне дали всего три дня, и сегодня с рассветом мы отплыли. И хотя я знал, что все покинули меня, я тщетно надеялся увидеть на пристани знакомые лица: отца, друга, любимую...

Бриг «Надежда» больше похож на галеру, чем на корабль, отряженный государыней в экспедицию. О его состоянии судить не смею, лишь по сильному запаху смолы могу предположить, что еще недавно он был на верфи, но команда мне решительно не нравится. С первых же минут я ощутил враждебность, неустанно преследовавшую меня и при дворе; лишь один юнга выдавил едва заметную улыбку.

Вечером меня вызвал к себе капитан Брегов. Карл Августович склонился над столом, заваленным бумагами и картами, и раздраженно перекладывал их из стороны в сторону.

– Господин Смолов, к делу! Прескверно, но команду сколотили наспех, как забор из гнилых досок. В жизни не видел такого отребья. Я разберусь, кто на что годен, а вот...

Он резко кашлянул, посмотрел на платок и продолжил, пренебрежительно картавя:

– Не хватало еще, чтобы кто-нибудь приволок на борт тиф, или помер от цинги, или еще что... Осмотрите всех!

– Вас тоже?

– Всех! Шестьдесят пять человек, писарь выдаст список. У вас шесть дней!

НВ: меня не покидает мысль, что имя капитана мне знакомо.

9 июня

Никто не смеет противиться приказу капитана, но на осмотр ко мне идут, как на казнь. Боязливая подозрительность команды от моих расспросов лишь усиливается, потому отвечают мне неохотно, порой даже грубо. Только юнга Алешка не разделяет общего настроения и охотно делится всем, что у него на сердце. Даже нужда и голод не отучили открытого, приветливого паренька радоваться самым простым вещам – бликам солнца на воде или доброму слову.

В первую же встречу он рассказал мне о своей жизни со всей искренностью, на которую был способен.

– Это я потом бродяжил. Сначала у дядьки при кузне жил. Как мамка померла, он меня к себе забрал. У него хорошо было, только колотил часто, чуть до смерти не зашиб. Ну я и убег. Только одному совсем худо.

– Как же ты оказался здесь?

– Повезло-о-о... – расплылся в улыбке Алешка.

– Не хочешь обратно, на сушу?

– Не-а, зачем? Здесь кормят и не бьют почти. Чего еще надо?

Я не устаю удивляться тому, какое разное у нас понимание счастья.

12 июня

Едва завершив осмотр команды, я доложил капитану:

– Цинги, тифа, поносов и прочих телесных недугов не обнаружено. Я нашел следы старых ран, несколько грыж, легкое истощение или, наоборот, полноту, но заболеваний, кои могут навредить в путешествии, нет.

Признаюсь, состояние команды меня порадовало, ибо при знакомстве она произвела на меня тягостное впечатление и я готовился к худшему. Успех в экспедиции – добрый способ вернуть расположение государыни, и я намерен бороться со всем, что может этому воспрепятствовать.

Мое воодушевление не укрылось от капитана, он смерил меня взглядом и премерзко хмыкнул, но сказал только:

– Отменная работа! Нам не нужны неожиданности. На «Ревущем» умерло пятеро, прежде чем мы распознали лихорадку.

Наконец я вспомнил, отчего его имя показалось мне знакомым. Осенью в свете шептались о скандале на фрегате «Ревущий». Увлеченный Софьей, занятый новыми снадобьями, я был далек от сплетен и едва ли смогу точно повторить, что именно обсуждали при дворе. Кажется, говорили, что по вине старшего офицера погибли капитан и часть команды.

Правдивы ли слухи? Не знаю, но меня не интересуют чужие тайны, да и свои я раскрывать не желаю, пусть они покоятся под парусами «Надежды».

14 июня

Не проходит и дня, чтобы я не думал о доме. С каждой пройденной милей во мне крепнет яростное желание не просто возвратиться, а с триумфом ворваться в столицу, чтобы все, кто отвернулся от меня, осознали глубину своего заблуждения.

Команда по-прежнему настроена недружелюбно, сблизиться мне удалось только с корабельным писарем Хлебниковым и Алешкой.

Лукьян Панкратович, как и я, непривычен к морю. Что за безумец поставил старого мельника вести судовой журнал? Вечные жалобы Хлебникова на качку, солонину и прочие «неудобства» могли бы раздражать, но по-человечески мне понятны. К тому же наши редкие беседы скрашивают мое вынужденное одиночество.

С Алешкой мне проще. Рано оставшись без родителей, он тянется к каждому, кто готов отнестись к нему с участием, и с благодарностью принимает любые крохи заботы. В свободную минуту он бежит ко мне, чтобы вновь приобщиться к естественной истории. Его жажда знаний напоминает мне того мальчишку, каким я был когда-то, целыми днями просиживая над книгами. Алешка смывленный, схватывает все на лету и быстро запоминает.

NB: обучить его грамоте.

18 июня

Сегодня с рассветом мы вышли из порта К.

Квартирмейстер пополнил судовые запасы и по моему требованию закупил перевязочные средства и рассасывающие притирки. Постоянные стычки на борту (за двенадцать дней пути матросы уже семь раз заводили драку) добавляют мне работы. Капитан пытается навести порядок поркой, но это лишь множит моих пациентов и усиливает сходство брига с галерой.

Боцман Криволапов прав: «Пока не притрутся – драки неизбежны».

Для собственных нужд приобрел хирургический атлас и микроскоп, истратив на них значительную сумму.

NB: в следующем порту купить новые скальпели.

22 июня

Наблюдая за командой, я утверждаюсь в мысли, что матросы более суеверны, чем крестьяне из самой глухой деревни. Да и господа офицеры не уступают им – у каждого на шее по «всемогущему» амулету.

Предрассудками, прежде всего, объясняется неприязнь ко мне со стороны остальных. По неведомой причине моряки опасаются цифры «шесть», считая ее дурным знаком, а наша экспедиция состоит из одних шестерок. Писарь рассказал, что известие о дате отплытия команда встретила неодобрительно и даже просила отчалить хотя бы на день позже, а узнав о моем назначении, и вовсе зароптала. Я стал шестьдесят шестым человеком на борту!

Почти ежедневно слышу я рассказы о русалках, которые берут в мужья опытных моряков, о сиренах, заманивающих в бездну одинокие суда, о кораблях-призраках. Но более других меня впечатлила легенда о морском чудовище, настолько огромном, что щупальцы его могут опутать фрегат, и настолько кровожадным, что усмирят его лишь человеческая жертва.

Мне остается надеяться, что команда не выбросит меня за борт в припадке мракобесия.

23 июня

Всякий раз, беседуя с писарем, я удивлялся, почему он единственный на корабле не верит в рассказы о подводных тварях. Сегодня я наконец понял, что он просто не успел заразиться суевериями.

Лукиян Панкратович прожил на суше почти полвека и ни за что не вышел бы в море, если бы не острая нужда в деньгах. Вот и нынче о корабельной жизни он говорил сдержанно, зато с удовольствием вспоминал прошлое.

– Мельница Хлебниковых – лучшая в губернии. А все потому, что мы особый секрет знаем! Пуше глаза его бережем, из рода в род передаем, – шептал писарь, потирая ладони, будто на них до сих пор лежала свежая мука.

Но вот старший сын вырос и отказался жить по-старому, по-новому решил работать. Такого Лукиян Панкратович стерпеть не смог и выгнал непутевого сына из дому.

– Ждал, что он одумается да вернется, а он, негодник, где-то деньги раздобыл и свою мельницу пустил. И дела-то у него справно пошли...

Чего Хлебников только не придумывал, доказывая всем, что его мельница лучше новой. Так увлекся кознями сыну, что совсем работать перестал, в долги влез, вот и пришлось на судно наниматься.

– Оставьте его, Лукиян Панкратович, – сказал я, вспоминая споры с отцом, который тоже отказывался понять меня. – Он не должен быть вашим подобием, пусть идет своей дорогой.

– Своей дорогой? Ишь удумал! Жалование получу – уж я ему покажу.

Глядя на Хлебникова, я все чаще думаю об отце. Насколько же они похожи! Даже судовой журнал, исписанный размашистым почерком, напоминает старые аптекарские тетради.

28 июня

Не успели мы выйти из порта П., как ко мне привели вперёдсмотрящего Ивана Кречетова. Пациент пребывал в крайнем смятении: жаловался на лютую головную боль, головокружение, тошноту и рвоту желчью. При опросе я выяснил, что накануне он получил удар по голове во время свалки с береговыми.

Я прописал ему кровопускание из правой руки для отведения дурных соков и облегчения головной боли, холодные уксусные примочки на лоб и тугую перевязку головы мокрой холстиной.

По приказу капитана я вновь приступил к осмотру команды.

30 июня

На сей раз матросы и офицеры идут ко мне охотнее. Моряки находятся в обычном своем состоянии, кроме упомянутого Кречетова, да и тому на второй день стало легче. Удаление избыточной черной желчи, охлаждение горячих соков и восстановление циркуляции пневмы принесли свои результаты.

Вчера лейтенант Любимов с легкостью выложил сплетни о господине Брегове (кажется, ни офицеры, ни матросы не питают уважения к капитану).

– Второй осмотр за месяц! Он совсем голову потерял от страха.

– Не преувеличивайте, Роман Орестович, разумная предосторожность, не более.

– Полно, доктор, господин Брегов боится заразы, как сухая палка огня. И бунт на «Ревущем» тому отличный пример. Вы не слышали о том? Когда капитан фрегата «Ревущий» и часть его команды подцепили лихорадку, старший офицер Брегов ссадил всех недужных на островах.

2 июля

После ужина меня вызвал к себе капитан и велел доложить о состоянии команды. Я повторил то же, что и две недели назад, добавив свои последние наблюдения:

– Меня беспокоит общее настроение. Люди скрытны, у тех, кого удалось разговорить, я заметил тревожность, а то и вовсе тягостные переживания. Несколько раз мне довелось услышать о проклятье Предпоследнего моря.

– Почему вас это беспокоит?

– По моему разумению, успех любого поручения зависит от исполнителя оною. Мне бы не хотелось, чтобы низкий моральный дух команды помешал достижению целей экспедиции или отсрочил наше возвращение.

– Торопитесь в столицу? – Его ухмылка лучше слов рассказала, что ему известны истинные причины моего назначения.

– Да, – ответил я как можно спокойнее, – мне хотелось бы возвратиться домой до зимы. После, насколько я понимаю, это будет затруднительно.

– До зимы?! Мы вернемся в лучшем случае весной, если вообще вернемся.

– Боюсь, я не совсем понимаю вас, капитан, вы сказали «если»?

Он долго молчал, раздумывая над ответом, что совсем не свойственно его натуре. Наконец решил.

– В Предпоследнем море гибнут суда, – прокаркал он особенно мерзко, сухо раскатывая «р».

– Это всего лишь слухи, суеверия...

– Из десяти возвращается одно, и то с половиной команды, никто не может ничего толком рассказать. Нам надлежит выяснить причины. Опасность велика, потому и людей дали таких, чьими жизнями не жалко пожертвовать.

Внутри у меня похолодело, и я не нашелся, что ответить.

– Надеюсь на ваше благоразумие, доктор. Не надо обсуждать это с кем бы то ни было.

Уже глубокая ночь, а я, не сумев уснуть, все еще размышляю о Предпоследнем море. Что за тайны сокрыты в его водах?

P.S. Теперь, когда сроки нашей экспедиции неопределенны, я пуще прежнего желаю вернуться домой.

6 июля

Утром я приступил к научным изысканиям: произвел забор воды с различных глубин и исследовал ее свойства. Пока я не заметил ничего необычного, все соответствует известным данным.

Новый микроскоп меня весьма порадовал значительным увеличением, гораздо большим, чем у старого. Капитан нашел мои действия странными и выразил сомнения в полезности сего инструмента, на что я предложил ему взглянуть в окуляр. Увидев инфузорий, Карл Августович перекрестился, но философски заметил: «Для каждой твари свое место в мире».

В ответ на мои опасения насчет сохранности микроскопа господин Брегов обещал при-
слать плотника, чтобы сделать футляр.

8 июля

Обещания своего капитан пока не сдержал; думаю, мне не стоит рассчитывать на его содействие. Микроскоп я заворачиваю в полотенце и убираю в сундук, едва закончив работу.

Всякий раз, настраивая микроскоп, я вспоминаю Софью и то, с каким волнением она заглядывала в окуляр. Когда императрица пожелала «повысить ученость своего двора» и велела мне давать уроки ее фрейлинам, княжна Барятинская также приобщилась к естественным наукам.

Поначалу общение с легкомысленными дамами показалось мне обременительным, но Иоганн Готлиб посоветовал извлечь из него пользу:

– Друг мой, напрасно вы избегаете этих прелестниц. Вам предстоит блистательная карьера при дворе, но упрочить свое положение в обществе не помешает.

– Не понимаю, о чем вы.

– О выгодном браке, разумеется. Любая из этих девиц будет хорошей партией. Вы молоды, привлекательны, в чести у Ее Величества. Думаю, вам не составит труда вскружить голову своим ученицам. Если подойти к делу с умом, можно немало преуспеть.

Готлиб не ошибся: даже самые невинные знаки внимания с моей стороны вызывали горячий отклик. Я любезничал с девицами, решая, через кого из них достигну большего.

Мой выбор пал на Софью, но она оказалась единственной, кого интересовал не флирт, а секреты живой материи. Она так жадно читала мои книги, что через год мне было трудно ее удивить.

Как-то она упростила взять ее с собой в отцовскую аптеку. Бродя вдоль шкафов, она с величайшей осторожностью прикасалась к флаконам и замирала, словно пыталась услышать голоса трав. Когда она наконец подняла на меня глаза, в них блеснули слезы.

– Вы счастливцев, Сергей Акакиевич, вы выбрали благое занятие и любите его всем сердцем. Я бы тоже хотела... Ах, если бы я только могла...

Внезапно у меня сбилось дыхание, а в груди налился теплый пульсирующий шар. Я читал об этом в книгах, но никогда не верил, что подобное может случиться со мной.

11 июля

Матросы все чаще говорят о проклятом Предпоследнем море, мы приближаемся к нему, и это пугает людей. Степан Жаров, пройдоха-кок, продает обереги, полученные якобы от капитана выжившего корабля. Месяц назад никто не хотел платить и пяти монет за кусок деревяшки, сейчас готовы выложить десять. Предлагали и мне, но я отказался.

Я не разделяю их суеверно-мистических страхов, у происшествий должно быть разумное объяснение, и нам надлежит найти его. Меня больше интересует название – ПРЕДПОСЛЕДНЕЕ. Кто и почему дал этим водам столь странное имя? Что он хотел сообщить тому, кто пойдет таким же маршрутом? Подсказать? Приободрить? Предостеречь?

Мне интересно разгадать название, и каждый вечер я придумываю хотя бы одно объяснение: умственные экзерсисы помогают избавиться от тяжелых мыслей.

14 июля

Сегодня вечером море явило нам чудо – стаи летучих рыб, парящих над волнами, словно птицы. Бросив работу, матросы глазели на дивных тварей, которые выскакивали из воды, блистая чешуей, и неслись наперегонки с «Надеждой». Пролетев добрую сотню шагов, они скрывались в глуби.

НВ: посмотреть, что на сей счет пишут зоологи.

Боцман сказал, что отловить такую рыбину – на удачу. Посему, когда одна из них упала в спасательную шлюпку, команда воодушевилась. Если удастся поймать еще одну – заберу для исследований.

Заметив на палубе Кречетова, я справился о его здоровье, он, как обычно, ответил, что все хорошо.

15 июля

Мой сон прервался топотом ног, будто всю команду подняли по тревоге, хотя колокол молчал. Вчера удалось заснуть крепко, без тех ночных видений, которые всю последнюю неделю тяготят меня и, насколько могу судить, большую часть команды. У капитана темные круги под глазами, старший помощник чрезвычайно раздражителен, но никто не приходит ко мне за снадобьями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.